

ФЕНОМЕН РОССИЙСКИХ МАНЬЯКОВ

18+

первое масштабное
исследование
маньяков и серийных
убийц времен
царизма, СССР и РФ

АНТУАН КАСС / ИРИНА КАПИТАНОВА

Психология влияния

Антуан Касс

**Феномен российских маньяков.
Первое масштабное исследование
маньяков и серийных убийц
времен царизма, СССР и РФ**

«ЭКСМО»

2024

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

Касс А.

Феномен российских маньяков. Первое масштабное исследование маньяков и серийных убийц времен царизма, СССР и РФ / А. Касс — «Эксмо», 2024 — (Психология влияния)

ISBN 978-5-04-197053-6

Новаторское исследование широкого спектра о психологии, мотивации и патологии серийных убийц и маньяков! Написанная журналистом-криминологом Ириной Капитановой и журналистом-историком Антуаном Кассом книга-феномен объясняет, как социальные, культурные и политические факторы могут влиять на количество и почерк преступлений. Опираясь на архивные материалы из музеев, личные дела убийц, записи допросов и интервью с известными криминологами, психиатрами, бывшими и настоящими сотрудниками правоохранительных органов, которые лично участвовали в поимке преступников, авторы проводят параллели между западными и российскими убийцами. Из книги вы узнаете: - как обычные люди становятся кровожадными убийцами; - какой способ убийства «предпочитают» в России; - с какими проблемами сталкиваются следователи при поимке убийц; - какие факторы в детстве могут спровоцировать дальнейшее развитие убийственной тяги; - как силовики становятся маньяками; - кем и чем «вдохновляются» известные душегубы при совершении ужасных преступлений. А еще в конце книги вы найдете картотеку из 350 имен серийных убийц и банд неонацистов, которые наводили ужас и панику на протяжении многих столетий. Обратите внимание: Эта книга содержит информацию о жестоких преступлениях и может содержать детали, оскорбляющие чувства читателей. Рекомендуется быть внимательным и осторожным при чтении и учитывать свои эмоциональные и психологические состояния. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-04-197053-6

© Касс А., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Введение	7
Коллективный набросок коллективного портрета	9
Архаика – абсолютизм – городские потрошители	21
В революционном вихре	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Антуан Касс, Ирина Капитанова
Феномен российских маньяков.
Первое масштабное исследование
маньяков и серийных убийц
времен царизма, СССР и РФ

© ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Введение

В лентах новостей то и дело мелькают сводки о появлении или разоблачении очередного убийцы, маньяка или какого-нибудь людоеда-насильника. Они растекаются по социуму страшными легендами, демоническими мифами и прочими атрибутами «сарафанного радио», проникают в массовую культуру... Мы задались вопросом: какой адский конвейер штампует в обществе серийных убийц? Так родилась идея изучить проблематику маньяков в первую очередь в социальном и историческом ключе.

Реки крови и волны самоистребления сопровождали человечество на всех этапах его существования. Феномен массовых убийств и серийный убийца (с различными оговорками применительно к новейшей истории, о которых речь пойдет далее) присутствовал в глубокой древности и отражен даже в канонических религиозных текстах.

Тут стоит вспомнить одного из наиболее известных персонажей в буддийской литературе – Ангулималу, упоминания и изображения которого историки встречались еще до нашей эры. Согласно преданиям, это был серийный убийца, который после встречи с Буддой стал монахом. В некоторых источниках Ангулимала упоминается¹ как какой-нибудь маньяк-людоед наших дней. В одной из прошлых жизней он был царем-людоедом по имени Саудаса, который попробовал мясо умершего младенца, после чего у него проснулся интерес к каннибализму. За это «качество» подданные совершили что-то вроде революции и свергли его, после чего тот превратился в чудовище, которому надо было убить 100 царей. Но убив 99, Саудаса после постигшего его просветления преобразился в религиозного человека, которому насилие стало чуждым. В новой жизни Ангулимала был учеником древнеиндийского университета Таккашилы, по окончании которого учитель потребовал от него преподнести последний дар – 1000 пальцев разных людей. В итоге «выпускник», по преданию, убил 999 человек, а тысячной жертвой должен был стать сам Будда, который оказался для серийного убийцы недостижимым. От этого прототип маньяков раскаялся и вступил в буддийский монашеский орден.

С точки зрения буддизма история Ангулималы является примером покаяния и исправления. А если на эту притчу взглянуть под углом исторического материализма, то это одно из свидетельств того, что в древнем мире (не говоря уж про период зарождения человечества) каннибализм и массовые жертвоприношения были нормой. Рецидивы этих кровавых обычаев в разных уголках планеты встречаются до сих пор и считаются в некоторых сообществах не психическими девиациями, а частью ритуальной повседневности и социального договора. Просвещенный, казалось бы, XX век помнит руководителей целых стран, занимавшихся людоедством не в метафорическом ключе (синоним культа войн и политического насилия), а в самом прямом, буквальном смысле этого слова. Чего только стоит персонаж любителя «сахарной свинины» (то есть человечины) и по совместительству диктатора Центрально-Африканской Республики Жан Беделя Бокассы, ставшего героем одного из советских душегубов. Ну а холокост, Руанда, Кампучия – это самые известные маркеры массовых убийств прошлого века, ставших историческим откликом ритуальных жертвоприношений и инквизиции.

Лишь к концу прошлого столетия человечество начало избавляться от пережитков архаических культов, клерикального фундаментализма и сегрегации по различным признакам. И то лишь частично – в основном это произошло с «привилегированной» частью цивилизации, иногда именуемой первым миром. Но даже в самых развитых странах всплывают практики нормализованной антропофагии – от убийства как инструмента социального поведения до проявления психиатрических дисфункций. Ярким примером стала трагедия с нападением норвежского

¹ Timothy H. Barrett. The Madness of Emperor Wuzong / Cahiers d'Extrême-Asie. – 2004. – Vol. 14, livr. 1.

неонациста Андруса Брейвика на молодежный лагерь в Осло в 2011 году, в результате чего погибло 77 человек.

Это говорит о том, что и сегодня войны, превосходство одних людей над другими, погоня за извлечением сверхприбылей и иные социальные катаклизмы продолжают оставаться питательным бульоном и «источником вдохновения» для тех, кого принято называть маньяками. Психические девиации, вызывающие тягу этих людей к убийствам, пыткам и изнасилованиям, лишний раз напоминают, какими хрупкими остаются достижения исторического прогресса и как в тихом омуте под тонкой культурной коркой продолжают жить черти любви к деконструкции всего человеческого.

Эту книгу мы решили написать, чтобы показать, как феномен серийных убийств эволюционировал и переплетался с природой общества на разных исторических этапах – в Российской империи, СССР и постсоветской России. Словом, «кейсы» и проблематику возникновения серийных убийц в разные исторические периоды мы решили изучить не только как радикальные криминальные перверсии отдельных «психопатов», а как лихорадочные симптомы глубинных процессов, явлений, воспроизводимых разными структурами репрессивного общества, запускающего запретную «машину желаний».

Отсчет взят с XVIII века – эпохи расцвета крепостничества и одновременно формирования публичного уголовного права, когда действия людей, подпадавших под определение «серийного убийцы», получили юридическую оценку. Далее повествование идет в исторической последовательности: каждой эпохе дается своя характеристика с точки зрения криминальной обстановки, социально-политической специфики и прочих условий генерации маньяков.

Вторая часть книги – это картотека из почти 360 фамилий. Там представлены сведения о публично известных серийных убийцах с начала XVIII века и заканчивая последним десятилетием. Плюс еще около 120 персонажей фигурируют в дополнительной картотеке ультраправых банд, массово убивавших людей в основном в 2000-е годы.

В ходе работы мы задавались вопросами, почему каждого маньяка можно назвать убийцей, но не каждого убийцу можно назвать маньяком? Что ими движет? Почему чаще всего маньяками становятся мужчины? Влияют ли на их формирование политические взгляды и должностной функционал?

Ответы на них мы, будучи практикующими журналистами, более 10 лет пишущими на криминальные и социально-политические темы, искали, не только зарывшись в бумаги, но и общаясь с людьми. Теми, кто в силу своей профессиональной деятельности или научного интереса работал с серийниками и непосредственно ловил их. Это криминологи, психологи, психиатры, социальные антропологи, а также бывшие и действующие сотрудники правоохранительных органов, участвовавшие в раскрытии дел битцевского маньяка Александра Пичушкина, банды молоточников из иркутского Академгородка, петербургского насильника Дмитрия Вороненко и других.

Эта книга – лишь набросок для дальнейших более глубоких научных исследований. Мы выражаем благодарность за консультации:

Гусевой Ларисе, Демину Вячеславу, Карчевскому Евгению, Кошевой Анне, Мионову Дмитрию, Плотникову Владимиру, Рудницкому Георгию, Фролову Дмитрию.

Коллективный набросок коллективного портрета

Прежде чем погрузиться в мрачный мир серийных маньяков СССР и России, мы предлагаем обозначить юридические, психологические, социальные и иные аспекты нашего исследования. В первую очередь ответим на вопрос: кого можно считать серийным убийцей и является ли это словосочетание синонимом к слову «маньяк»?

В действующем российском уголовном праве отсутствует термин «серийное убийство» (как и других составах УК). Вместо этого используются такие понятия, как «много-эпизодность», «неоднократность», «совокупность», «рецидив» и т. п. Однако появившееся на Западе во второй половине XX века словосочетание «серийное преступление» перекочевало как в российские СМИ, литературу и кино, так и в официальные комментарии представителей отечественных правоохранительных органов и научные публикации.

В учебном пособии «Расследование серийных убийств» авторства Леонида Драпкина, Владимира Долинина и Александра Шуклина указано, что серийными принято считать «совершенные разновременно одним лицом или группой лиц два и более убийства, характеризующиеся сходством объектов преступного посягательства, мотивов, аналогичностью способов, а также особенностями их подготовки, совершения и сокрытия»².

Однако под эту юридически лапидарную характеристику попадают, например, наемные убийцы, не являющиеся серийными маньяками. Но, как отметил Евгений Карчевский, следователь, специализирующийся на расследовании серийных убийств, – грань может быть тонкая. Причем не только с киллерами «за деньги»: «Это (деятельность наемных киллеров) в большей степени работа, криминальный бизнес. Но если человек при этом получает удовольствие, это уже что-то нездоровое. У нас же есть люди, которые воюют, они тоже стреляют и убивают людей, но у них служба такая. Но если мы возьмем ангарского маньяка Михаила Попкова³, то у него одно из первых преступлений – это убийство задержанного, которого он расстрелял. Он мне потом рассказал, что получил от этого удовольствие».

О склонности сотрудников силовых органов и иных категорий граждан к серийным убийствам мы расскажем отдельно, а пока разберемся, что же такое «серийное убийство». Более конкретно об этом феномене, который в общеупотребительном плане связывают с маньяками, говорит ассистент кафедры криминалистики юридического факультета МГУ имени Ломоносова Евгений Крюкова:

Серийные убийства отличаются чрезмерной жестокостью совершения, их принято называть сверхжестокими преступлениями, “сверхубийствами”. Нередко используются различные механизмы для пыток, перед убийством долго мучают жертву, медленно расчлениают, а иногда и едят некоторые части ее тела. Для серийных убийств характерна чрезмерная жестокость, наличие признаков вампиризма и каннибализма с глубокими укусами и откусываниями, нередко повреждение ножом или пальцами глазных яблок, отрезание элементов лица, кончиков пальцев, половых органов, молочных желез, вырезание матки. Отрезанные части тела могут быть съедены на месте или принесены домой, где преступник их либо съедает, либо консервирует каким-нибудь способом и использует в дальнейшем в основном как фетиш. Вспомнить только дела серийных убийц А. Р. Чикатило, Теодора Роберта

² Цит. по Драпкин Л. Я., Долинин В. Н., Шуклин А. Е. Расследование серийных убийств: учебное пособие / Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2016.

³ Самый массовый серийный убийца в России, ранее работавший в МВД.

Банди⁴, Джеффри Дамера⁵ и др. Насилие, причинение страданий и мучений серийные убийцы рассматривают как необходимый способ самоутверждения или процесс, от которого они испытывают удовольствие. Возможно выделить две категории серийных убийц: а) те, которые имеют цель занять более выгодную (доминирующую) позицию и видят в жестокости эффективный способ повышения своего авторитета; б) те, для которых процесс насилия, причинения страданий потерпевшему служит источником положительных эмоций, удовольствия⁶.

Авторы пособия «Криминалистическая психология» обращают внимание на разницу между отечественными и зарубежными классификациями серийных убийств. Так, российские исследователи зачастую слишком широко трактуют это понятие, под которое могут попасть как половые маньяки, убивающие своих жертв ради сексуальной разрядки, так и однократные групповые убийства или долго планируемые умышленные убийства. Например, убийства бизнес-конкурентов или претендентов на наследство, жертв мошенничества или эксцессы кровной мести. Западные же исследователи «до сих пор имеют в виду значительно меньший объем характеризуемых этим понятием деяний <...> – убийств, совершаемых с необъяснимой, на первый взгляд, жестокостью и садизмом, при которых доминирующим мотивом у преступников является желание достичь психосексуальной разрядки». Также сюда можно отнести «убийства и некоторые другие опасные многоэпизодные преступления, совершаемые по так называемым неочевидным мотивам лицами, одержимыми маниакальными идеями и влечениями»⁷.

ИНЫМИ СЛОВАМИ, СЕРИЙНИКАМИ МОЖНО СЧИТАТЬ НЕ ТОЛЬКО СЕКСУАЛЬНЫХ МАНЬЯКОВ, НО И ПРЕСТУПНИКОВ С ОПРЕДЕЛЕННОЙ ЖАЖДОЙ К УБИЙСТВАМ.

Впоследствии это желание объясняется kleptomанией в отношении жертвы или не половой, а психической разгрузкой и «перенастройкой», после которой следует ремиссия, как правило, завершающаяся очередным рецидивом.

Важной деталью является и то, что среди серийных убийц крайне мало женщин (хотя именно они стали хронологически первыми убийцами, вошедшими в нашу картотеку). Это связано с давно замеченной мировыми учеными закономерностью – женщины гораздо реже совершают убийства, чем мужчины. По словам профессора уголовного правосудия Адама Лэнкфорда⁸, на долю женщин в США приходится лишь 10–13 % убийств.

Исследователи подчеркивают, что не все женщины и мужчины, которые идут на убийства, в том числе серийные, имеют схожие мотивы. Но

СТАТИСТИКА НЕУМОЛИМА – МУЖЧИНЫ БОЛЕЕ СКЛОННЫ К НАСИЛИЮ.

Причем гендерный разрыв в этой области наблюдается почти во всех культурах мира. И не только у человека, но и, например, у нашего ближайшего «родственника» – шимпанзе.

⁴ Теодор Роберт Банди (1946–1989) – американский серийный убийца, насильник, похититель людей, каннибал и некрофил, действовавший в 1970-е годы. Его жертвами стали по меньшей мере 36 человек.

⁵ Джеффри Дамер (1960–1994) – американский маньяк, с конца 1970-х до 1991 года убивший 17 мужчин. Голову своей первой жертвы он держал в холодильнике, впоследствии он стал заниматься сексом с изуверченными трупами, изготавливал из их частей фетиши. Пока некоторые его жертвы еще были живы, он делал им лоботомию, просверливая отверстия в черепе.

⁶ Цит. по Крюкова Е. С. Характеристика современного преступника и его преступной деятельности (на примере серийных убийц) / Вестник Московского университета. Серия 11. Право. № 4, 2014.

⁷ Цит. по Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология. / Юнити-Дана, Закон и право, 2002.

⁸ Адам Лэнкфорд – американский ученый, профессор криминального права, автор книги «The Myth of Martyrdom: What Really Drives Suicide Bombers, Rampage Shooters, and Other Self-Destructive Killers» («Миф о мученичестве: что на самом деле движет смертниками, буйными стрелками и другими убийцами-саморазрушителями»).

Одна из самых простых гипотез объясняется особенностями эволюции: еще сотни тысяч лет назад за агрессию самцы «вознаграждались» лучшими самками и наиболее «престижным» статусом в популяции. А отсутствие у мужчины статуса агрессора и завоевателя в архаичных сообществах означало упущение возможности найти себе пару.

Как отмечает Адам Лэнкфорд, сексуальная неудовлетворенность – это причина, отслеживающаяся в мотивах многих массовых убийц. Серийники нередко оставляют манифесты, в которых рассказывают о своей ненависти к женщинам и мужчинам, которым, как представляется, легко даются отношения с противоположным полом. С другой стороны, Лэнкфорд подчеркивает, что ему не известна ни одна женщина-убийца, которая руководствовалась бы мотивом сексуальной неудовлетворенности.

И поэтому проблема серийных убийц (а также насильников и других преступников, в основе действий которых лежат сексуальные мотивы) отчасти может рассматриваться как выход наружу не просто комплексов, а основанного на инстинктах архаического бэкграунда, от которого цивилизацию пытаются удерживать такие регуляторы, как право и культура. Неудивительно, кстати, что в традиционалистских и патриархальных обществах (и даже семьях⁹), живущих по принципам домостроя, проблема бытового, в том числе гендерного насилия стоит гораздо более остро, чем в модернистских, секулярных и демократических¹⁰. А

НОРМАЛИЗАЦИЯ НАСИЛИЯ ИЛИ ИГНОРИРОВАНИЕ ЭТОЙ ПРОБЛЕМЫ ГРОЗИТ СТАТЬ ОДНОЙ ИЗ ПИТАТЕЛЬНЫХ СРЕД ДЛЯ РАДИКАЛЬНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ ВРОДЕ УБИЙСТВ ПО МОТИВАМ ГЕНДЕРНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ

(в том числе так называемых «убийств чести», распространенных в сообществах с консервативным укладом) и идеологической ненависти (о ней мы поговорим в отдельной главе).

В ходе исследования мы попросили наших экспертов – ученых и исследователей, а также практикующих криминалистов, юристов и бывших работников правоохранительных органов – описать, каким может быть «коллективный портрет» современного серийного убийцы. Полученные описания представлены ниже.

ВЛАДИМИР ПЛОТНИКОВ, ПСИХОЛОГ:

– Когда мы упоминаем серийных убийц, мы, с одной стороны, говорим о персоне, о социальной маске, если выразиться терминами

⁹ В 2008 году ученые кафедры «Социология, политология и социальная работа» Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск) провели исследование, опросив 390 человек, в том числе 194 мужчин и 196 женщин. Его организаторы сделали такой вывод: «Избиение жен мужьями более часто происходит в тех семьях, члены которых воспитывались в родительской семье с властью, концентрированной в руках мужчины-партнера. Так, в родительских семьях 76 % мужчин, совершавших насилие над женщиной, и 60 % женщин, подвергавшихся насилию, главой семьи являлся отец. Физическое насилие используется для утверждения господствующей позиции мужчины и поддерживается культурными нормами, подчеркивающими традиционные половые роли и патриархальную структуру власти, при которой мужчин стимулируют использовать насилие для осуществления контроля над женщинами» (Цит. по. Парыгина Н. А. Общество и проблемы гендерного насилия / Вестник ТОГУ, 2009, № 2(13)). По данным Всемирной организации здравоохранения, мужчины, воспитанные в семьях с сильными патриархальными устоями, чаще насилуют или принуждают женщин к сексу, а также плохо обращаются со своими интимными партнершами, чем мужчины, которые воспитывались в более эгалитарных семьях (См. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / под. ред. Этьенна Г., Круга и др.; пер. с англ. М.: «Весь Мир», 2003. С. 166).

¹⁰ Показатели гендерного насилия сильно различаются в разных странах, но, по данным ООН, оно происходит во всех регионах мира, независимо от уровня доходов или образования. Надежные статистические данные трудно собрать, и количество часто недооценивается. Однако положение женщин в странах, где действуют законы, направленные на борьбу с гендерным неравенством, определенно лучше, чем в странах с высоким влиянием религиозного фактора в жизни общества. Об этом, например, могут свидетельствовать данные Индекса гендерного неравенства, публикуемого Программой развития ООН. Он представляет собой интегральный показатель, отражающий неравенство в возможностях достижений между мужчинами и женщинами в трех измерениях: репродуктивном здоровье, расширении прав и возможностей, а также на рынке труда. Наилучшее значение индекса в 2021 году продемонстрировали Дания, Норвегия, Швейцария, Швеция и Нидерланды, наихудшие – Йемен, Папуа – Новая Гвинея, Нигерия, Афганистан и Центрально-Африканская Республика.

социальной психологии, а с другой стороны – о психоэмоциональном процессе, внутреннем мире.

Если речь идет о социальной маске серийного убийцы, то здесь могут быть самые непредсказуемые варианты. Среди маньяков встречаются люди разной масти. Это и сотрудники полиции (милиции), и учителя средней школы, и члены криминальных банд, и другие люди.

Определенной чертой серийника является его близость к региону его охоты. То есть это какой-то спальный район или лес, где преступник может гулять, заводить случайные связи и общаться со своими жертвами. В криминальной науке это принято называть ближайшими связями. Например, насильники-педофилы нередко работают учителями или воспитателями и чаще всего они выбирают эту сферу не потому, что именно учителя склонны к педофилии, а потому, что такая профессия позволяет им реализовать свои интенции.

СЕРИЙНИК ОБЫЧНО СЛИВАЕТСЯ С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ И ВЫГЛЯДИТ В НЕЙ ЕСТЕСТВЕННО, ПОТОМУ ЧТО ОН НЕ ДОЛЖЕН БРОСАТЬСЯ В ГЛАЗА И ВЫЗЫВАТЬ КАКИХ-ЛИБО ПОДОЗРЕНИЙ.

Например, когда он ждет автобус на остановке или покупает бутылку пива в ларьке, его действия будут выглядеть совершенно обыденными. Скорее всего, внешние черты коллективного портрета должны ассоциироваться с обычным представителем пролетариата или люмпен-пролетариата современного урбанистического пространства.

Что касается психоэмоционального процесса, то здесь можно выделить некоторые черты, которые помогут нам чуть точнее представлять то, что чувствует серийник и как он себя ведет.

Это склонность к пиромании, зоосадизму, возможно, эпизоды энуреза в детстве¹¹. Как правило, убийца чувствует себя беззащитным и в то же время пытается агрессивно компенсировать свою беззащитность. Сам феномен практики серийных убийц зиждется на явлении проекции, то есть когда маньяк убивает жертву, он проецирует, выплескивает вовне внутреннее состояние беспомощности и гибели, которое он все время переживает и ощущает. По сути, он делает из своей жертвы себя – пытается сделать так, чтобы жертва переживала то, что он переживает сам. Такая заикленность на себе и патологический нарциссизм является краеугольным камнем этого явления.

Если немного упростить ситуацию, то

СЕРИЙНИК – ЭТО ГЛУБОКО СТРАДАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК.

Мы даже можем оставить за скобками какие-то травматические события, которые могли происходить в детстве убийцы. Можно констатировать то, что серийник находится в состоянии мучительной субдепрессивной полосы, состоянии жизненной витальной угнетенности, от которой он не может отвлечься, не способен никак отойти и ничего с ней сделать. Он чувствует только временное удовлетворение, когда видит, что другое существо мучается так же, как он, или, возможно, сильнее, чем он. Это удовлетворение, которое часто сексуализируется, хотя, по сути, оно с сексуальностью как таковой не связано. Оно временно и, подобно потребности удовлетворять жажду, вновь и вновь заявляет о себе.

Наверное, самая важная характеристика серийного убийцы – это заикленность на себе, меланхоличность и множественные проявления садомазохизма. Речь идет не о культуре

¹¹ Речь идет о «Триаде Макдональда», сформулированной в 1963 году новозеландско-американским судебным психиатром Джоном Маршаллом Макдональдом в статье «Угроза убийства». Он, в частности, обнаружил, что в детстве многие его пациенты с садистскими наклонностями регулярно мучили животных, устраивали поджоги и мочились в постель после пяти лет. На основе этого он предположил, что будущим серийным убийцам могут быть свойственны три поведенческих характеристики – зоосадизм, пиромания и энурез. Такое поведение, по мнению исследователя, часто бывает результатом нарушения развития механизмов приспособления к стрессовым нагрузкам. Но сегодня «Триада Макдональда» не считается определяющим фактором развития криминального поведения, потому что появились более точные модели: мотивационная модель убийств на сексуальной почве (1986) и модель травматического регулирования (2002).

BDSM, а о потребности компенсировать внешние агрессии и собственном угнетенном состоянии.

Социальная маска серийника направлена на то, чтобы его не распознали, за исключением тех случаев, когда он хочет, чтобы его нашли. Хорошо известно, что в деятельности серийника рано или поздно, по крайней мере – иногда, возникает момент, когда он хочет быть найденным. И это логично вытекает из его нарциссической фиксации. В конечном итоге он хочет почувствовать свою значимость и грандиозность, чтобы люди признали и поняли, какой он необыкновенный человек, при всей его греховности и преступности. Так, маньяки оставляют следы для полиции, имеют свой почерк и так далее.

Важный момент – это отсутствие эмпатии у гипотетического серийного убийцы. Один западный психиатр предлагал показать человеку убийство какого-нибудь животного и посмотреть на реакцию, начнет ли он меняться в лице, будет ли демонстрировать эмоциональные отклики или останется безучастным. О низкой эмпатии у таких людей, как правило, говорят их родные и близкие, а сами они не считают это плохой чертой и удивляются тому, что общество их не принимает. Но сам по себе это тоже «жидкий» критерий, потому что, повторюсь, многие серийники устраивают довольно эффективную социальную маску и знают, что в приличном обществе такому принято ужасаться.

Существует также эффект дерева и стекла. Так, например, человек может безжалостно резать на куски другого человека и плакать крокодиловыми слезами над своей заболевшей кошечкой. Зоосадизм может вполне компенсироваться сверхпривязанностью к домашним животным¹² или какой-то их определенной фетишизацией.

Еще один важный момент – это так называемая нарциссическая скука, черта, описывающая поведение или жизнь психопатов. Это легкая меланхолия, когда человек описывает свою жизнь как пустую, скучную, однообразную. Его будни для него – это поток серой тоски и грусти. Обычно человек описывает это не как интенсивное страдание, а как некое небытие. Это небытие может быть весьма мучительным и заставляющим предпринимать очень экстремальные поступки для заполнения пустоты определенными, в том числе ужасными вещами, вызывающими мощный эмоциональный отклик. А

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ОТКЛИК – ЭТО ТО, ЧТО ВСЕЛЯЕТ
В СЕРИЙНИКА ЧУВСТВО ОБЩНОСТИ. ЕМУ НРАВИТСЯ ОСОЗНАВАТЬ,
ЧТО ОН НЕ ОДИНОК В СВОЕЙ НИЧТОЖНОСТИ, БЕСПОМОЩНОСТИ
И СТРАДАНИЯХ И ЧТО ДРУГОЕ СУЩЕСТВО МОЖЕТ ИСПЫТЫВАТЬ
ТО ЖЕ САМОЕ.**

Человек может описывать это состояние как депрессию, хотя на самом деле это не является депрессией. В состоянии депрессии витальные функции человека снижены, как правило, люди в таком состоянии склонны лежать дома и с большим трудом заставляют себя дойти даже до магазина или на работу. А серийники, наоборот, могут быть гиперактивными, и именно это состояние нарциссической скуки может быть тем, что понуждает их к гиперактивности.

Не стоит забывать о политических, религиозных и мировоззренческих взглядах человека. Каким образом он оценивает себя и свое поведение в мире? Если его идеология и взгляды действительно поощряют насилие, то с большой вероятностью он будет насильником. Например, если он считает проституированных женщин, бездомных, больных детей или трудовых мигрантов недостойными жизни, то, конечно, это серьезный красный флажок – с большой вероятностью обладатель таких взглядов способен на убийство. Себя в таком случае он может

¹² Один из самых кровавых серийных маньяков-расчленителей 1980-х – начала 1990-х – Сергей Головкин, например, работал зоотехником на Одинцовском конезаводе № 1, в окрестностях которого он ловил и истязал своих жертв. Как говорилось в Экспертном заключении по результатам его психиатрической экспертизы, «к животным относился хорошо, любил кошек, собак, увлекался лошадьми, в садистские фантазии их никогда не включал».

считать героем, лишаясь уколов совести и еще интенсивнее ощущая свою грандиозность. Соответственно, это дает ему определенный стимул к действию.

АННА КОШЕВАЯ, БЫВШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ

– Одной из причин влечения к убийствам может быть детский психологический травматизм, который можно выявить в биографиях или психиатрических заключениях известных серийных убийц. Маньяк Дмитрий Вороненко, над расследованием дела которого я работала, рассказывал, что в пять лет был жестоко избит отцом за то, что подглядывал за какими-то женщинами в бане. Плюс он рассказывал, что задушил кошку во взрослом возрасте за то, что она его поцарапала, причем когда он мне об этом говорил, то делал это с таким видом, будто в этом нет ничего удивительного. На такие вещи, конечно, надо обращать внимание – очень нездоровая ситуация, когда дети или подростки мучают животных. Как правило, это бывает еще и одобряемо родителями. Дети – это лишь зеркало, которое отражает все то, что происходит с родителями.

Я не думаю, что большее или меньшее количество таких преступлений в разные исторические эпохи связано с какими-то экономическими или политическими особенностями. В современном мире гораздо больше таких явлений, и избежать их абсолютно невозможно, по крайней мере, сейчас.

Психиатрия как молодая наука не может пока ответить на вопрос, почему возникают те или иные патологии. Больше всего маньяков в нашей стране связано с сексуальным насилием – и в эту сторону надо глядеть внимательнее.

ДМИТРИЙ ФРОЛОВ, ПСИХОТЕРАПЕВТ

– Это достаточно разнородная группа людей, которые объединены условно в нее по факту совершения серийных убийств. Их мотивы довольно разнообразные, как и их прошлое, их психологические особенности и психические расстройства. Хотя есть некоторые относительно часто встречающиеся особенности, которые могут быть, могут не быть и не являются обязательной характеристикой. Например есть данные, что эти люди чаще подвергались сами насилию и буллингу, склонны к антисоциальному поведению (насилию над людьми и животными, поджогам), имеют проблемы с работой, сексуальные расстройства. Если говорить про психологические особенности, то это часто именно антисоциальные черты, то есть, скорее всего, для многих из них характерны такие установки: «Люди делятся на сильных и слабых. Я абсолютно должен быть сильным и наказывать слабых. Я должен делать все, что я хочу, даже если это вредит другим. Никто и ничто не должно мне мешать в исполнении моих желаний. Остальные люди не имеют значения, как и нормы, правила и законы». Формирование этих установок связано с социально-экономическими процессами: развитие капитализма и урбанизации создает отчужденное общество незнакомцев, которых труднее воспринимать как других таких же личностей, имеющих право на жизнь. Неравенство создает группу людей с низким социальным статусом, которые воспринимаются как слабые, ничтожные. В то же время поддерживается культ успеха, власти и популярности. В обществе быстро развивающегося капитализма отсутствие правовой культуры, правовой нигилизм, неразвитость светской культуры и этики поддерживает эти идеи на фоне разрушения традиционных регуляторов поведения: религии, обычаев, общины. Это приводит к тому, что некоторые люди, имеющие генетическую склонность к антисоциальному поведению, часто сами подвергавшиеся насилию, формируют такие жесткие и ригидные установки: «человек слабый или сильный», «Сильный имеет право на все». При совпадении этих факторов часть людей совершают серийные убийства, так как подобный способ очень доступный и кажется им единственно возможным. Многие политики, звезды, бизнесмены часто реализуют подобные идеи социально одобряемым способом. Что касается

политической идеологии, то скорее люди с антисоциальными наклонностями склонны выбирать наиболее примитивную, агрессивную форму их выражения, игнорируя гуманистические ее аспекты и, конечно, выбирая наиболее авторитарные идеологии или интерпретируя их в таком ключе, независимо от того, правые они или левые. Возможно, что просто рост популярности той или иной идеологии приводит к втягиванию в нее и людей с подобными установками, и они чаще становятся на виду. И такая авторитарная политическая идеология, конечно, подкрепляет и формирует эти антисоциальные идеи.

ЕВГЕНИЙ КАРЧЕВСКИЙ, СЛЕДОВАТЕЛЬ СК

– Маньяк – это, безусловно, человек с отклонениями, который нестандартно мыслит и действует. Это широкое понятие. Маньяк необязательно может быть серийным преступником – например, им, на мой взгляд, является тот, кто даже единожды совершил акт педофилии, кто имеет какую-то озабоченность и грубо себя ведет с женщинами, например, систематически бьет свою жену и получает от этого кайф. Эти факторы говорят о том, что у человека что-то не в порядке. Вообще,

ЛЮБОЙ ПРЕСТУПНИК, КТО ПОЛУЧАЕТ УДОВОЛЬСТВИЕ ОТ СОДЕЯННОГО, – ЭТО НЕЗДОРОВЫЙ ЧЕЛОВЕК, ИМЕЮЩИЙ МАНИАКАЛЬНЫЕ НАКЛОННОСТИ.

Общее у маньяков – проблемы из детства и мизогиния. По статистике, лица, которые склонны к совершению серийных убийств и сексуальных преступлений, – это люди, которые в детстве получили психическую травму. Например, пережили семейное насилие, когда отец избивал мать на глазах ребенка, либо росли в неполной семье, либо испытывали дефицит внимания и любви со стороны матери, либо когда родители были тиранами по отношению к ним самим в раннем возрасте. Другим распространенным свойством маньяков является отрицательное отношение к женскому полу по разным причинам.

У нас масса примеров, когда люди с идеальным прошлым совершают поступки, которые явно не свойственны им. Причины таких изменений лежат в психологической плоскости. Мы наблюдали много случаев, когда сотрудники полиции или военнослужащие, не проявлявшие ранее девиантного поведения, поучаствовав в каких-либо военных действиях, возвращаются с кардинально измененным мировоззрением и отношением к людям.

Битцевский маньяк Александр Пичужкин

Все маньяки абсолютно разные и в плане способов совершения преступлений и восприятия ситуации, которая подтолкнула их к этим действиям. У кого-то просто изменилось отношение к жизни, к женщинам, к происходящему. Кто-то имел преступное желание чуть ли не с рождения, имея ненависть или пренебрежение к женщинам, но тщательно все это скрывал и подавлял. Но, как правило, у всех маньяков нестандартное мышление, и они старательно скрывают свое мировоззрение. Лицо каждого маньяка, с которыми я работал, не соответствует их душе, они все «ненастоящие» и скрытые. И прежде чем вытянуть из маньяка истинное «я», потребуется немало бесед о чем-то отстраненном, а также способность к сопереживанию, чтобы прощупать точки, в которых он проявит свою истинную сущность. И тогда становится видно, что всех маньяков объединяет ненависть к чему-либо – к людям в целом, к женщинам или ко всему окружающему, а также пренебрежение к чужой жизни.

Некоторые ведут картотеку своих жертв, которая становится своего рода фетишем. Например, битцевский маньяк Александр Пичужкин делал отметки об убийствах на клетках шахматной доски. Это не говорит о том, что он считал убитых, это был фетиш, приносивший ему кайф. Ангарский¹³ и тулунский¹⁴ маньяки, а также банда молоточников из Иркутска¹⁵, дела которых я расследовал, забирали у жертв ценное имущество. Молоточники испражнялись возле трупов убитых, своеобразно «помечая» территорию. У некоторых потерпевших, уже

¹³ Павел Шувалов.

¹⁴ Михаил Попков.

¹⁵ Артем Ануфриев и Никита Лыткин, также известные как «академовские маньяки».

мертвых, они отсекали пальцы, выкалывали глаза, у последней жертвы отрезали ухо, получая удовольствие от расчлененки.

С точки зрения интеллекта или социального происхождения маньяки бывают совершенно разные. Те же молоточники – два мальчика из неполных семей без отцов, ходили в один садик и одну школу, росли вместе. Один начитанный, интересный собеседник, способный правильно выстроить речь и объяснить свои действия, а второй абсолютный ноль в общении, не умеет правильно формулировать мысли и при этом абсолютно забитый, потому что мать в нем души не чаяла и делала все за него. А у первого мать, наоборот, была тиранкой и заставляла его жить, учиться и так далее. Можно предположить, что если бы две эти противоположности не сошлись, то, вероятно, и не совершили бы своих преступлений, потому что они друг другу придавали силы и один ничего не стал бы делать без другого. Начитанному в итоге дали пожизненное лишение свободы, а другому – 20 лет колонии, но в марте 2022 года, отсидев половину срока, он покончил с собой. Насколько мне известно, человеку просто не хотелось жить дальше – он понимал, что не нужен обществу, а понимающего его «напарника» рядом больше не будет. А тот даже на пожизненном заключении сейчас учится – он не то чтобы сильный духом, но не сломлен ситуацией. К нему приезжали журналисты, брали интервью, он возмужал и не теряет надежду, что когда-нибудь выйдет на свободу. Если это произойдет, мы получим колоссального и жестокого преступника, которого не сломать ничем. Он готов в одиночку пойти на преступления, потому что его питает ненависть ко всему человечеству.

Ангарский маньяк Михаил Попков тоже считает годы за решеткой и надеется выйти условно-досрочно¹⁶.

¹⁶ В январе 2023 года Михаил Попков, отбывающий два пожизненных срока, заявил, что у него есть мечта «в армию попасть», имея в виду возможность отправиться воевать на территорию Украины, куда вербовали российских заключенных. «Если свою военно-учетную специальность взять, то я так думаю, что она сейчас достаточно востребована, хотя сейчас, наверное, уже более современное это все: радиоэлектроника и так далее. Но я хоть десять лет в тюрьме нахожусь, в общем, думаю,

**МАНЬЯКИ БЫЛИ И БУДУТ ВСЕГДА. ВОПРОС ЛИШЬ В КАЧЕСТВЕ
И СКОРОСТИ ВЫЧИСЛЕНИЯ ЭТИХ ЛЮДЕЙ.**

Если брать Россию, то у нас, как мне кажется, на порядок меньше такой преступности в сравнении с США и Европой. В Штатах, например, почти все привыкли уже к тому, что ребенок приходит в школу с ружьем и расстреливает учителей и одноклассников. У нас, слава богу, такие случаи пока единичны. Притом, что там существует смертная казнь и все это происходит жестче, чем у нас. А у нас за убийство нескольких человек преступник может получить 20 лет, потому что где-то истекли сроки давности, где-то слабая доказательная база, где-то еще какие-либо бреши в законе или в работе следствия и суда.

**СЕЙЧАС РАССЛЕДУЕТСЯ МАССА СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ
И ИЗНАСИЛОВАНИЙ. ПРОСТО ОНИ НЕ ПРЕДАЮТСЯ ОГЛАСКЕ
ПО ТЕМ ИЛИ ИНЫМ ПРИЧИНАМ.**

Если окунуться в голую статистику, то, возможно, мы ничего не узнаем вообще, потому что сейчас принимают меры к тому, чтобы не сеять панику у населения. У людей и так много негатива, а если еще пугать их историями, которые происходят где-то в регионах, это не понравится... Сейчас показывают последствия сделанной работы, а не имеющиеся факторы. Редко в СМИ озвучивается, что где-то было совершено жестокое преступление и ищут преступника. Это исключение из правил. Показывают только то, что было сделано: поймали, осудили.

Архаика – абсолютизм – городские потрошители Первые серийные убийцы Российской империи

Умышленные убийства в разной форме сопровождали всю человеческую историю, являясь одной из крайних форм по-разному мотивированного насилия. Всевозможные ритуальные культы с жертвоприношениями в архаичных социумах трансформировались по мере модернизации общества и эволюции человеческой цивилизации. На протяжении многих столетий право на убийство «других» было нормализовано. Разрешалось уничтожать иноверцев в религиозных войнах и представителей более слабых сообществ, конкурирующих в борьбе за ресурсы. Нормой также было убийство в контексте внутрисоциального «упорядочивания», как в случае с обрядовыми жертвоприношениями у ацтеков, средневековой инквизицией или этно-политическим террором нацистов.

Об этом, в частности, говорит бывший сотрудник прокуратуры Москвы Георгий Рудницкий. По его мнению, маньяки в первую очередь – это психически нездоровые люди, которые были всегда, но в разные исторические эпохи они воспринимались по-разному: «Мир идет по пути цивилизации и защиты прав личности, поэтому, наверное, тот же

**МАНЬЯК В X ВЕКЕ МОГ СЧИТАТЬСЯ НЕ МАНЬЯКОМ,
А ОБЫЧНЫМ СОТРУДНИКОМ ИНКВИЗИЦИИ.**

Сейчас для того чтобы реализовать свои наклонности, у маньяков меньше легальных способов для этого. Поэтому им приходится проявлять себя вне закона, попадая в категорию серийных преступников».

Несмотря на появление права и законодательное табуирование убийства, эту традицию и в XXI веке продолжают в разной степени культивировать различные сообщества. Причем не только тайные организации террористов или неонацистов, но и появляющиеся в разных странах деструктивные культы (от Чарльза Мэнсона до Секо Асахары) и целые субкультуры вроде «Общества леопарда», о котором речь пойдет отдельно. Не остаются в стороне и сосуществующие с цивилизованным миром политические диктатуры. Наиболее показательным в этом плане феноменом является гитлеризм, допускающий уничтожение и расправу с политическими противниками или не вписывающимися в их идеологемы этническими, культурными и иными сообществами.

Как уже было сказано ранее, значительная часть серийных убийств совершаются на сексуальной почве. Такие преступления известны с древности. Хрестоматийным примером тут может служить маршал Жиль де Рец, ставший прототипом фольклорного персонажа Синяя Борода. Некоторые исследователи приписывают ему убийство более 700 мальчиков и девочек ради сексуального удовлетворения. На суде он заявлял, что желание к детоубийству у него возникло после прочтения книги Гая Светония «Жизнь двенадцати цезарей», где рассказывалось про кровавые оргии римских императоров вроде Калигулы и Нерона. В XVIII веке вошел в историю Маркиз де Сад, который в своих романах рассказывал о всевозможных сексуальных девиациях, сопровождавшихся жестокостью по отношению к партнерам. Свои дни он закончил в парижской психлечебнице в 1815 году и благодаря австрийскому психиатру Крафт-Эббину был «увечен» в названии парафилии, известной как садизм, – сексуальном удовлетворении от жестокостей по отношению к живому существу.

Очень важную и, на наш взгляд, базовую мысль про Сада (и шире – феномен садизма) высказала Симона де Бовуар¹⁷:

¹⁷ Симона де Бовуар (полное имя Симона-Люси-Эрнестина-Мари Бертран де Бовуар) (1908–1986) – французская писательница, представительница экзистенциальной философии, идеолог феминистского движения.

У него не было ни малейшего желания отвергать привилегии, дарованные ему происхождением, положением в обществе и богатством жены. Тем не менее все это не могло принести ему удовлетворения. Он хотел быть не только общественной фигурой, чьи действия регламентированы условностями и заведенным порядком, но и живым человеческим существом. Было только одно место, где он мог обрести себя в этом смысле, и это была не супружеская спальня, а бордель, в котором он мог купить право отдаться своим фантазиям. Это было общей мечтой большинства молодых аристократов. Отпрыски идущего к упадку класса, некогда обладавшего реальной силой, они пытались символически, в обстановке спальни, вернуть к жизни статус суверенного деспота-феодала. Сад тоже жаждал иллюзии силы¹⁸.

Эта очень важная мысль о феномене садизма как рудимента социального господства красной нитью проходит через истории многих серийных убийц прошлого и настоящего. Вне контекста сексуальных перверсий (хотя не исключаем, что и с ними тоже), эта данность имела место и в кровавых кейсах русских современников французского маркиза, о которых далее пойдет речь.

ЕСЛИ РАССМАТРИВАТЬ СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ-ОДИНОЧЕК, ТО ОН ПОЯВИЛСЯ В МИРЕ ВМЕСТЕ СО СТАНОВЛЕНИЕМ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА.

Вот как об этом рассказывает социальный психолог Владимир Плотников:

Под серийными убийцами мы имеем в виду современных преступников, поэтому тут надо обратиться ко второй половине XIX века и эпохе индустриальной революции. В этот период сложился город, современный урбанистический социум, современные социальные классы – пролетариат, буржуазия, появились соответствующие формы общественного потребления, офисы, рестораны, дома-казармы для рабочих. В песне группы AC/DC Night Prowler, которой вдохновлялся один американский серийный убийца¹⁹, описывается городской хищник, который берет нож и охотится на женщин, когда на город опускается тьма. Современные серийные убийцы стали возможными в данной социальной среде, а до этого исторического периода говорить о них как о нынешнем явлении сложно.

Несмотря на это (и то, что само понятие «серийный убийца» было введено в лексикон лишь во второй половине XX века²⁰), прототипы нынешних серийных маньяков существовали и раньше. Одним из первых известных серийников в России, судя по упоминаниям в исторических публикациях и других документах, стала московская помещица Дарья Салтыкова (1730–1801). Из любви к насилию она погубила десятки своих крепостных, находящихся в ее власти. Жертвы были преимущественно женского пола, в том числе девочки 11 и 12 лет. В один ряд с Салтычихой (так в народе прозвали Салтыкову и невольно атрибутировали само явление) можно поставить эксцентричного аристократа Николая Струйского (1749–1896)²¹,

¹⁸ «Нужно ли сжечь маркиза де Сада» / Пер. с англ. Н. Кротовской и И. Москвиной-Тархановой. Цит. по Симона де Бовуар. Очень легкая смерть. – М.: Республика, 1992.

¹⁹ Речь идет об американском серийном убийце Ричарде Рамирезе (1960–2013), жертвами которого в 1984–1985 годах стали по меньшей мере 13 человек.

²⁰ Об этом, в частности, пишут В. А. Образцов и С. Н. Богомолова в пособии «Криминалистическая психология» / Юнити-Дана, Закон и право, 2002.

²¹ Аристократу-графоману Н. Е. Струйскому пресса приписывает до 200 замученных крепостных, однако криминальная часть биографии этого помещика времен Екатерины II остается покрытой тайной, поскольку, в отличие от Дарьи Салтыковой, Анны Шелепанской и Гонораты Стоцкой, он не попал под следствие и закончил свои дни не в застенках, а в роскоши. Тем

княгиню Анну Шелешпанскую (1761–1814), а также помещиц Ольгу Брискорн (1773–1836)²² и Гонорату Стоцкую (первая половина XIX в) – они вошли в историю как эксплуататоры-истязатели, а некоторые как многоэпизодные убийцы.

не менее нельзя не привести упоминания о Струйском из дореволюционного Русского биографического словаря: «Вообще С. представлял тип помещика-самодура, тип, выросший и роскошно развившийся на почве крепостного труда: <...> с крепостными обращался жестоко, производил над ними различные эксперименты, <...> в своем воображении он создавал какое-либо преступление, намечал некоторых из своих крестьян в качестве обвиняемых, учинял им допросы, вызывал свидетелей, сам произносил обвинительную и защитительную речи и наконец выносил приговор, присуждая «виновных» иногда к очень суровым наказаниям; если же крестьяне не хотели понимать барской затеи и упорно отказывались сознаться в приписываемых им преступлениях, они подвергались иногда даже пыткам» (Цит. по. Русский биографический словарь в 25-ти томах. Т. 19 / СПб: тип. товарищества «Общественная польза», 1909). Судя по всему, по стопам отца пошел один из сыновей Николая Струйского – Александр, которого крепостные прозвали «страшным барином». В голодный 1834-й он отказывался помогать своим крестьянам хлебом и не отпускал их на отхожие промыслы или собирать милостыню. Когда один из отчаявшихся людей попробовал нарушить запрет, помещик вернул его силой, в отместку тот через какое-то время зарубил Струйского топором.

²² Помещица Ольга Брискорн не вошла в картотеку маньяков, потому что хоть люди и погибли по ее вине (точнее, вследствие вседозволенности и произвола аристократии в годы самодержавия), но не непосредственно от ее рук. Переводя эту историю на язык современного УК РФ, действия Брискорн можно было бы квалифицировать не по ч. 2 ст. 105 (умышленное убийство двух или более лиц), а по ч. 3 ст. 238 (выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекшее смерть двух или более лиц). С одной стороны, для своего времени Брискорн была довольно прогрессивной дамой, запустившей уникальное для России начала XIX столетия производство – суконную мануфактуру в селе Прилепы под Курском. Но именно став фабриканткой, она показала свою кровожадную натуру. Вот как со ссылкой на исторические документы об этом писала курская пресса: «Условия были ужасные. Рабочий день длился 14–15 часов. Крестьяне спали на соломе на полу в этом же помещении. Кормили их плохо – хлеб со жмыхом, постные щи, по ложке каши и семь–восемь фунтов червивого мяса на всех (восемь граммов на человека). После еды крепостных обыскивали, чтобы те не уносили хлеб. При этом курская «Салтычиха» избивала работников: и детей, и взрослых. <...> 25 января 1822 года они написали жалобу императору Александру I. В Центральном госархиве России хранится «Дело комиссии Брискорн». Секретное расследование, длившееся три года, повествует о бесчеловечном отношении госпожи Брискорн к прилеповцам. <...> С октября 1820-го по май 1821-го от голода, болезней и травм умер 121 рабочий, из них 44 – моложе 15 лет. 74 человека были погребены священником, остальных зарыли в ямы без гробов» (цит. по «Курская «Салтычиха» морила крестьян и сдавала комнату Пушкину» / «Друг для друга» № 6 (1113), 9 февраля 2016 г.). После разбирательства Брискорн отстранили от владения предприятием и передали его под государственную опеку. Сама же «курская Салтычиха» вскоре отправилась в Петербург, где скончалась в марте 1836 года.

Можно предположить, что их поведение определяло крепостное право в России, наделавшее аристократию полноценным аппаратом контроля над крестьянами. Говоря об этом явлении, нельзя не вспомнить слова британского историка Джона Дальберга-Актона: «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно». Крепостные хоть и не являлись рабами в чистом виде (формально они находились не в собственности помещика, а лишь были закреплены за его землями, отдавая ему часть своего дохода), их систематически подвергали физическому насилию, наказывая кнутом и рублем за бегство или ослушание. Например, Соборное уложение 1649 года закрепило бессрочный сыск беглых крестьян, этим же документом была закреплена их потомственная «вечная крепость». А в 1675 году крепостных разрешили продавать без земли, в середине XVIII века помещики получили возможность ссылать своих крепостных в Сибирь и на каторжные работы.

В 1767 году положение крепостных усугубил указ императрицы Екатерины II, по которому им было строго запрещено подавать монарху жалобы на своих помещиков. Тем же «сочинителям» и «челобитникам», кто вздумывал отважиться на это и «в должном у помещиков своих послушании» не остаться, полагалось наказание кнутом и ссылкой «в вечную работу в Нерчинск, с зачетом их помещикам в рекруты».

«Именно в царствование Екатерины II крепостничество достигло высшей точки своего развития: помещики получили право ссылать своих крестьян на каторгу (1765), крепостным запрещалось подавать жалобы на помещиков в «собственные руки», т. е. непосредственно императрице (1767), и др. И хотя правительство устраивало показательные процессы над помещиками (напр., «дело Салтычихи»), власть дворян над крепостными была безгранична», –

констатирует руководитель школы исторических наук Высшей школы экономики доктор исторических наук Александр Каменский²³.

Крепостное право вызывало оторопь у прогрессивной публики своего времени. Александр Радищев в произведении «Путешествие из Петербурга в Москву» отмечал, что «земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека».

...видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние. – Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? То, чего отнять не можем, – воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не токмо дар земли, хлеб и воду, но и самый свет. Закон запрещает отъяти у него жизнь. Но разве мгновенно. Сколько способов отъяти ее у него постепенно! С одной стороны – почти всеисие; с другой – немощь беззащитная. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судия, исполнитель своего решения и, по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет. Се жребий заклепанного во узы, се жребий заключенного в смрадной темнице, се жребий вола во ярме...

– писал Радищев.

Помимо помещичьих эпизодов в историю как один из первых серийных убийц попал служащий Царскосельского лицея Константин Сазонов, волею судеб оказавшийся «дядькой» (службой) будущего поэта Александра Пушкина, когда он учился там²⁴.

В 1814–1816 годах Сазонов убивал одиноких прохожих и забирал себе ценные вещи, то есть, как выразились бы современные криминалисты, совершал преступления с целью хищения чужого имущества, поэтому к собственно маньякам, то есть преступникам, идущим на убийства ради убийства, его можно отнести весьма условно.

Как отмечает психолог Владимир Плотников, появление в XVIII–XIX веках таких персонажей, как Салтычиха, и других представителей аристократии, которые систематически истязали и убивали своих крепостных, объяснялось «концентрированным выражением существующего социального строя или производственной деформацией». По его словам, и феодализм, и крепостное право порождали в людях стремление к насилию:

«КАК ТОЛЬКО У ЛЮДЕЙ ОКАЗЫВАЛАСЬ ВЛАСТЬ, ДАЛЕКО НЕ ВСЕ, НО НЕКОТОРЫЕ ВЕЛИ СЕБЯ ЧУДОВИЩНО».

Однако, по его мнению, для объяснения подобных явлений в их целостности с разными нюансами (вроде того же упомянутого пушкинского «дядьки»-душегуба, который никаким крепостником не был), то одной отсылки к феодализму недостаточно.

Тут, наверное, стоит вспомнить не только крепостное право и совсем недавнюю историю европейских государств и сообществ, но и практику рабовладения, к которой по своей исторической физиономии во многом ближе русское крепостничество, кристаллизовавшееся при Екатерине II. Когда были задействованы громадные производительные силы в производственном процессе, когда велись колоссальные войны, когда Российская империя стала приобретать финальные и окончательные черты, крепостное право было

²³ Цит. по Большая российская энциклопедия. Т. 9. Динамика атмосферы – Железнодорожный узел / М.: 2007.

²⁴ Сам Пушкин после поимки Сазонова посвятил ему эпиграмму: «Заутра с свечкой грошевою / Явлюсь пред образом святым: / Мой друг! Остался я живым, / Но был уж смерти под косою: / Сазонов был моим слугою, / А Пешель – лекарем моим». Последняя строка посвящена лицейскому врачу Францу Пешелю, к которому воспитанники Царского Села относились только положительно, а Пушкин упомянул его скорее для контраста с «дядькой».

очень brutalным. Что-то похожее происходило в Пруссии. Это были два ультрареакционных государства Европы,

– поясняет исследователь.

В этой связи можно рассмотреть довольно широкий спектр исторических примеров, начиная с древних времен с многочисленными сценами захвата пленников, из которых делали рабов. Однако если обратиться к истории античной Греции или Римской империи, то авторы того времени, например, Платон или Геродот, считали рабство совершенно естественным явлением. Они не занимали по отношению к сложившемуся тогда строю какую-то революционную позицию, но убийство раба для них было табу.

Как указывает Плотников, в Римской империи в какой-то момент запретили убивать рабов, и, таким образом, раб переставал быть просто вещью, хотя его можно было перепродать, но рабовладелец не распоряжался его жизнью полностью.

Это было началом становления того, что сегодня называют правами человека. Так что из самой практики господства одних людей над другими какого-то сверхжестокости обращения одних с другими не следует – здесь нет прямой причинно-следственной связи. Салтычиха, видимо, была, как сегодня бы сказали, «поехавшей». У нее были какие-то психологические проблемы. То же самое можно сказать о маркизе де Саде и других персонажах, которые регулярно появлялись. Наверное, их можно как-то запараллелить со всевозможными нацистскими преступниками Третьего рейха и деятелями ультраправых режимов XX века с их бесконечными практиками концлагерей. В том числе, наверное, стоит вспомнить оккупацию Китая японскими милитаристскими силами в 1930–1940-е годы и так далее. Отдельные персонажи проявляли особое рвение в деле истребления и мучения оккупированных и угнетенных ими людей. Тут, наверное, надо ссылаться уже на индивидуальную психологию, которая, в свою очередь, является продуктом масштабных социальных явлений. Это уже диалектика индивидуального и общественного – в какой степени индивидуальное вытекает из общественного и наоборот – индивидуальное конституирует общественное,

– отмечает Плотников.

Если говорить об исторической генеалогии практики серийных убийств, то нельзя не вспомнить об «Обществе леопарда» – специфической религии, существующей сегодня в Центральной Африке. Адепты этого культа – мужчины, которые создают тайные общества убийц, и это считается допустимой религиозной мистикой, частью идеологического status quo. Как объясняет Плотников, вся информация о тайном ордено строго засекречена, а входят в него мужчины среднего возраста. Они надевают ритуальные одежды, состоящие из элементов шкур крупных кошек, и нападают на женщин и детей, убивая их жестоким образом.

«Общество леопарда» – довольно массовое явление. Когда в XVIII–XIX веках с ним столкнулись европейские колонизаторы, они начали бороться с этим сообществом, поскольку оно забирало жизни людей совершенно неожиданным образом. Затем культ ушел в подполье, но существует до сих пор. Не исключено, что всему виной идеология, и местные жители, особенно представители архаичных сообществ, относятся к этому как к чему-то нормативному, а в такой обстановке довольно сложно вести какую-то работу в плане расследования преступлений.

«Тут можно вспомнить фильм «Солнцестояние»²⁵, ставший ремейком картины «Плетеный человек»²⁶. Сюжет «Солнцестояния» разворачивается на острове в Северной Европе, где

²⁵ Художественный фильм 2019 года, снятый американским режиссером Ари Астером в жанре фолк-хоррор.

происходят таинственные убийства. Туда с Большой земли приезжает полицейский для расследования происходящего и выясняет, что все люди там исповедуют специфический языческий культ. В этой картине очень хорошо показана жизнь в условиях тотальной паранойи, когда все понимают, в чем дело, но никто не признается. Видимо, что-то подобное происходит и в Центральной Африке», – иллюстрирует Владимир Плотников.

Также он сравнил ситуацию с кемалистской Турцией, когда там закончился основной эпизод геноцида армян 1915 года. Тогда правительство признало, что были совершены военные преступления, нескольких офицеров демонстративно выпороли, признали виновными и посадили в тюрьму. Но не несколько офицеров убили 1,5 млн армян, и никто не понес никакого наказания.

Бывший сотрудник уголовного розыска, а сегодня частный сыщик Вячеслав Демин, который занимается изучением феномена серийных убийств, связывает феномен «салтычизма» с архитектурой феодального общества, которому были свойственны «безнаказанность и свобода поведения» элиты.

Дворянин, управляющий своими крестьянами, был административным управителем своего «района». Он обладал правом судебной и исполнительной власти, поэтому, не осознавая границ своего поведения, дворянин становился жестоким. Это было заложено в механизме территориально-административного деления России и в возложении на помещика права судить и вводить законы. Это был местечковый абсолютизм,

– поясняет Демин.

Данное явление, по его словам, перекликается с рабством в Америке в плане перепродажи и абсолютной власти землевладельца на своей плантации. В первой половине XIX века и ближе к началу гражданской войны на территории нынешних США исключительное право рабовладельца на своей территории стало отработанным правилом.

«Тогда негры, рожденные рабами, смотрели на своего плантатора, как российские крепостные – на помещика. Он был для них и солнцем, и богом, и царем. И когда началась гражданская война, некоторые негры формировали вооруженные отряды по слову своего плантатора и воевали на стороне Юга. А когда потерпели поражение от янки, испытывали такую же растерянность, как российские крестьяне после отмены крепостного права. В этом плане Салтычиха – это производное абсолютизма в отдельно взятом районе», – добавил Демин.

При этом он также полагает, что ни рабовладение в США, ни крепостное право в Российской империи не были некоей точкой отсчета для истории «серийных убийц», которая началась по меньшей мере с античных времен.

ЛИШЕНИЕ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА НИКОГДА НЕ БЫЛО ЧЕМ-ТО ЗАПРЕДЕЛЬНЫМ ВПЛОТЬ ДО СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ – СМЕРТЬ БЫЛА СОВЕРШЕНО ЕСТЕСТВЕННОЙ И НИКОГО НЕ ПУГАЛА.

Исходя из оптики Владимира Плотникова, одним из первых «классических» для современного мира серийных убийц в Российской империи стал Николай Радкевич (1888–1916), которого в народе звали «Петербургским Джеком-потрошителем». В 1909 году он совершил по меньшей мере пять нападений на женщин, предположительно убив троих секс-работниц на почве мизогинии (на суде доказали его причастность лишь к одному эпизоду). Вероятно, сюда же можно отнести и «красноярского потрошителя» Дениса Халецкого, который в 1913 году изнасиловал и убил 12 женщин.

²⁶ Речь идет о двух одноименных хоррор-фильмах – американо-немецко-канадской ленте 2006 года режиссера Нила ЛаБута и британском триллере 1973 года.

Социальный типаж, свойственный Радкевичу, или Джеку-потрошителю, появился с развитием индустриального капиталистического общества, но современная антропология только подходит к исследованию этого феномена. По мнению Плотникова, появлению такого типа субъектности способствует экономическая структура современного общества. Речь идет о нарциссически-параноидальном типе, который Вильгельм Райх²⁷ называл «фаллическим нарциссизмом».

«Я думаю, что при определенных социальных условиях этот тип субъективности выливается в практику серийных убийств. Очень часто такие люди, когда они попадают на верх социальной иерархии, если им позволяет интеллект, жажда доминирования, уничижения и уничтожения других людей, реализуют свои разрушительные стремления по-другому. Но если они попадают в определенную среду и если сама идея практики серийных убийств для них становится приемлемой, они легко становятся «ночными хищниками». Этот тип субъективности широко распространен в современном обществе. Наверное, это то самое, что в последние годы психологи и психиатры пытаются исследовать то ли как психопатию, то ли как пограничное расстройство. Это состояние или структура, носители которой рапортуют об одном и том же: они испытывают постоянную внутреннюю пустоту, и это разрушительное и щемящее чувство толкает их на невероятные головокружительные, разрушительные и очень часто саморазрушительные поступки. Зачастую они заполняют эту пустоту страданиями других людей. Собственно,

**ОЩУЩЕНИЕ БЕЗГРАНИЧНОЙ ВЛАСТИ НАД ДРУГИМ
ЧЕЛОВЕКОМ ПОМОГАЕТ НАСИЛЬНИКАМ ИСПЫТАТЬ ВРЕМЕННОЕ
ОБЛЕГЧЕНИЕ.**

Но потом, как в случае с сексуальной потребностью, они снова жаждут ощутить господство. Как правило, потом эти люди говорят об одном и том же – они сами были объектами насилия в детстве или в юные годы, они сами переживали состояние беспомощности. Это отражено в замечательном фильме «Клетка»²⁸ с Дженнифер Лопес. Там женщина-психоаналитик попадает с помощью современной аппаратуры в мозг серийного убийцы», – объясняет Плотников.

По его наблюдениям, современное капиталистическое общество создает условия для последовательного развития именно такого типа личности и с самого начала своего становления формировало нечто подобное.

Вячеслав Демин также считает, что

**У НЫНЕШНИХ СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ И ПРЕСТУПНИКОВ
НАЧАЛА XX ВЕКА ПРАКТИЧЕСКИ НЕ ПОМЕНЯЛИСЬ
ИСТОЧНИКИ ЖЕЛАНИЙ И ФОБИИ.**

Потребность убивать, как правило, связана с получением удовлетворения, часто сексуального. Это связано с тем, что человеческое сознание находится в стадии эволюции.

²⁷ Вильгельм Райх (1897–1957) – австрийский и американский психолог, один из основоположников американской школы психоанализа.

²⁸ Американский психологический триллер 2000 года режиссера Тарсема Сингха.

В революционном вихре Действительно ли при Ленине и Сталине было мало маньяков?

Радикальная перестройка общественных отношений в 1917 году отряхнула с российского социума прах прежних иерархий, став рубить гордые узлы предрассудков и пережитков. Обновление жизни еще с 1861 года стало отчасти выбивать почву из-под ног «салтычизма» – условий, обеспечивающих нормализацию сословно-иерархической жестокости. А в 1917 году был вбит еще один, самый крупный гвоздь в крышку гроба этого явления. В первые послеоктябрьские годы было немало сделано для борьбы с проституцией и прочими половыми пороками (на фоне идеологического утверждения свобод в гендерно-сексуальной сфере в 1920–1930-е), которые обычно «пробуждают» маньяков из числа сексуальных психопатов и женоненавистников, вроде Николая Радкевича. Однако буря и натиск этой эпохи с ее невротизацией и террором невольно превратили общество в «серийного убийцу», точнее – ожесточили социум, разделенный на два непримиримых классовых лагеря. Так вынужденно включился «зеленый свет» насилию как главному инструменту радикального политического действия. Но первые десятилетия после 1917 года не были богаты на резонансных серийных убийц-одиночек, вызывающих оторопь, порождающих фобии и легенды. Таких в ленинско-сталинский период было, строго говоря, всего пять человек, о которых существуют достоверные сведения.

Первым, с некоторыми условностями, можно считать «шаболовского душегуба» Василия Петрова (Комарова), орудовавшего в Москве в 1921–1923 годах. Широкая публика узнала о нем благодаря судебным репортажам писателя Михаила Булгакова.

Вторым был «однорукий бандит» Александр Лабуткин, расстреливавший своих жертв в 1933–1935 годах в окрестностях Ленинграда. (Как и Комаров, убивал он не столько ради наслаждения, сколько ради ограбления жертв.)²⁹

²⁹ М. А. Булгаков как журналист присутствовал на судебном процессе над Петровым (Комаровым) и его сообщницей-женой, который проходил 6–8 июня 1923 года в Политехническом музее. 20 июня 1923-го в газете «Накануне» был опубликован его репортаж «Комаровское дело».

Александр Лабуткин

Третьим – самый молодой сексуальный маньяк в отечественной истории Владимир Винничевский, расправлявшийся с детьми в Свердловске в 1938–1939 годах. По сути, он стал единственным известным педофилом первых десятилетий советской власти. О следующем похожем преступнике граждане СССР будут шептаться на кухнях, опасаясь за своих детей, только через 20 с лишним лет – уже в сильно изменившейся социально-политической обстановке.

Владимир Винничевский

Четвертым – «Филипп кровавый», или Владимир Тюрин, убивавший своих жертв в 1945–1947 годах в Ленинграде. Но, как в случае с Петровым (Комаровым) и Лабуткиным, его довольно условно можно включить в состав «классических» маньяков, которые убивают из обусловленной психикой любви к страданиям жертв или из-за сексуальных перверсий. Все трое, судя по материалам их дел, расправлялись с людьми, исходя из корыстных побуждений.

Владимир Тюрин

И пятым – «веревочник» Михаил Запесоцкий, душивший и насиловавший девушек во Владивостоке, а затем в Ленинграде в 1946–1948 годах. Он был единственным из первых советских маньяков, кто избежал смертной казни, которая в послевоенные годы была ненадолго отменена в СССР.

По сравнению с серийными убийцами-маньяками, действовавшими в СССР с 1960-х и до начала 1990-х, которых за тот период авторы книги насчитали около сотни (наиболее массово этот феномен в СССР проявился во второй половине 1970-х и 1980-е, о чем речь пойдет в соответствующей главе), пятеро человек выглядят довольно «скромно». Скорее всего, в реальности их было больше, однако сведения о других инцидентах по разным причинам не раскрыты до наших дней. Но даже если их было не пять, а, скажем, 50 – это число все равно несколько диссонировало бы с той грозной эпохой войн, репрессий и «коллективного» бандитизма, породившего целый феномен «блатной культуры», дожившей до наших дней.

Тут нельзя не сделать отступление и не напомнить, что такое оргпреступность первых лет советской власти на некоторых примерах. Это необходимо для понимания того, как ментальное и политическое ожесточение времен Гражданской войны порождало своих «коллективных маньяков». Чего только стоит, например, действовавшая в начале 1920-х в разных городах СССР банда Михаила Осипова, известного в криминальных кругах как Интеллигент или Мишка-Культияпый, которого также именовали «королем бандитов».

Михаил Осипов

Фирменным почерком банды был так называемый «веер дьявола», в который Осипов связывал своих жертв, а затем проламывал им черепа топором. Следствием было доказано, что на счету банды было не менее 78 убийств в Центральной России, Поволжье, на Урале и в Сибири. Убивал он, как правило, дельцов и прочих «нэпманов», а до кучи и членов их семей. Когда осенью 1923 года банду Культяпого взяли в Уфе, а затем перевезли в Москву, в журнале «Тюрьма» была опубликована стихотворная исповедь «короля бандитов»:

*На воле жил я – бить учился,
В тюрьму попал – писать решился.
Вот вся история моя...
Я – молодой бандит народа,
Я им остался навсегда.
Мой идеал – любить свободу,
Буржуев бить всех, не щадя.
Меня учила мать-природа,
И вырос я среди воров.
И для преступного народа
Я всем пожертвовать готов.
...Я рос и ждал, копились силы
И дух вражды кипел сильней.
И поклялся я до могилы*

*Бороться с игом нэпачей*³⁰.

Однако леворадикальная риторика, рифмующаяся с пафосом послереволюционной эпохи, не спасла Мишку Кульдяного от «точки пули в конце». Незадолго до расстрела, в декабре 1923 года он написал такие строки в послании ловившему его оперативнику НКВД Филиппу Варганову:

«Для того чтобы успешно бороться с преступностью, нужно искренне ненавидеть причины порождения преступления.

...БОЛЬШАЯ ЗАСЛУГА ПЕРЕД ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ РАСКРЫВАТЬ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ И УМЕТЬ ЛОВИТЬ ПРЕСТУПНИКОВ.
НО ЕЩЕ БОЛЬШАЯ ЗАСЛУГА ПЕРЕД ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ
УМЕТЬ ИХ ИСПРАВЛЯТЬ.

Эти качества я у вас вижу и глубоко ценю, и если бы мы встретились раньше [...], моя жизнь пошла бы по другому пути.

Мой совет вам таков: не изменяйте своей тактике и проводите ее в жизнь. Только такими путями возможно бороться с преступностью»³¹.

Еще более кровавый след в истории оставил Василий Котов (1884[1885]–1923), его родственники и сожительница – Серафима Винокурова. С 1917 (по другим данным – с 1918) по 1922 год они прикончили более ста человек в Московской, Калужской, Смоленской и Курской губерниях. Братья Котовы и их отец, умерший за решеткой, имели множество судимостей еще в дореволюционное время. Сам главарь банды впервые оказался в тюрьме в 12-летнем возрасте за кражу и практически не выходил на свободу вплоть до Октябрьской революции. Другим видным членом банды был уроженец Белгородского уезда Курской губернии Григорий Морозов, который в начале XX века получил срок за убийство полицейского. Морозов считался одним из главных убийц в сообществе, перед смертью он нередко насиловал жертв.

³⁰ Цит. по Г. В. Андреевский, «Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–30 годы» // М.: «Молодая гвардия», 2008.

³¹ Цит. по А. Тарасов, Как обезвредили «короля бандитов» / «Петровка, 38», № 30(9484), 18 августа 2015.

Василий Котов

Григорий Морозов

Вот как описывал банду Котова известный российский психиатр Павел Карпов:

Котов совместно с Морозовым убил около 120 человек, но предстал Котов перед судом нищим, ибо он убивал не богачей, а почти таких же нищих, как и сам, отбирая от убитых домашний скраб, носильное платье и другие вещи домашнего обихода, продаваемые им на базаре за гроши. Котов после совершенного им убийства спокойно садился за стол и ужинал, перед убийством никогда не пил, потому, вероятно, и не был долго обнаруживаем. Во сне он никогда не видел своих жертв, его поступки никогда не вызывали у него раскаяния, у него не было жалости ни к взрослым, ни к детям. Но у него была какая-то особенность, отмечаемая им самим: он говорил, что, выйдя „на дело“, он иногда, несмотря на удобные обстоятельства, по неизвестной ему причине пропускал мимо себя некоторых людей, некоторых же спокойно убивал. Котов не воспринимал, не оценивал причиняемого им зла, он совершал убийства как обычную повседневную работу, не накладывающую отпечатка ни на его внешность, ни на его внутренний склад, а потому, будучи на скамье подсудимых, он производил впечатление мелкого приказчика, а не злостного убийцы³².

Куда более «плодотворной» была кровавая деятельность банды Егора Башкатова, на счету которой в 1922–1932 годах было как минимум 459 жертв, хотя доказать удалось только

³² Цит. по П. И. Карпов. Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники. – М.-Л.: Главнаука, 1926. – С. 15.

121 эпизод убийства³³. Главарь этой группировки родился в 1879 году в небогатой крестьянской семье, он рано осиротел, пристрастился к азартным играм, а в годы Первой мировой войны попал в тюрьму за дезертирство. В 1917 году оказался на свободе и даже принимал участие в работе продотрядов, проявляя жестокость к крестьянам, которую большевики не оценили. Разойдясь с советской властью, Башкатов стал зарабатывать на жизнь карточными играми и воровством. Как бы работая извозчиком, он присматривал жертв из числа женщин, а затем и мужчин, которые покидали свои деревни. В безлюдных местах или во время ночевки в пути он проламывал спутникам головы камнем, обернутым в мешковину. Это приспособление он называл «микстурой». Очень быстро Башкатов стал работать не в одиночку, сколотив банду из асоциальных элементов, причем он не всегда доверял убийство своим поделщикам. Последние специализировались на избавлении от трупов и сбыте их имущества. Задержали банду в начале 1932 года и вскоре расстреляли всех ее участников.

* * *

Эксперты, которые занимались и занимаются расследованиями преступлений серийных убийств, а также те, кто исследует феномен появления маньяков в обществе, по-разному оценивают соответствующую специфику первых трех десятилетий после 1917 года.

По мнению бывшего прокурорского работника Георгия Рудницкого, вряд ли в тот период серийные убийцы были единичными случаями, как и проявления бандитизма, расцветавшего и после Гражданской, и после Великой Отечественной войны:

Возможно, об этом говорили не очень явно, как сейчас. Потом, наверное, не все серийные преступления увязывались в одну цепочку и могли расследоваться по отдельности. И еще, допускаю, что система уголовного розыска была эффективной – убийств действительно было мало. Даже в 1980-х годах, как мне рассказывали коллеги, работавшие в то время, каждое убийство в Москве было чрезвычайным происшествием, и очень большие силы направлялись на расследование, вплоть до того, что опрашивали людей микрорайонами. Поэтому, наверное, раскрываемость была лучше.

Следователь СК Евгений Карчевский, который занимался распутыванием резонансных дел серийных маньяков и неонацистских группировок, полагает, что в первые годы после революции 1917-го, скорее всего, «все смешалось»: «Это сейчас мы живем в век доступной информации и можем найти нужные данные в интернете или библиотеке, а тогда многое просто не озвучивалось, да и коммуникации были «от соседа к соседу»». Таким образом, в историю вошли наиболее резонансные случаи в крупных городах, на которые обращали внимание и старались по возможности максимально быстро нейтрализовать. Это отчасти похоже на ту доступную картину по маньякам 1920–1950-х: три из пяти известных персонажей действовали в Ленинграде, один в Москве, и еще один в Свердловске – крупном индустриальном центре СССР.

Частный детектив и бывший работник уголовного розыска Вячеслав Демин полагает, что увеличение количества убийц и маньяков либо сокращение их числа зависит от жесткости законодательства, существующего в том или ином государстве. По его мнению,

**ТОЛЬКО «ДОЛГИЙ» СЕРИЙНЫЙ МАНЬЯК ВРОДЕ АНДРЕЯ
ЧИКАТИЛО ИЛИ СЕРГЕЯ ТКАЧА, ПЫТАЕТСЯ УМЕЛО ОБХОДИТЬ**

³³ А. Сидорчик. «Добрый человек» из Армавира. 459 жертв Егора Башкатова / «Аргументы и факты», 4 октября 2020 г.

ЗАКОН, ПОТОМУ ЧТО СТРАСТЬ К УБИЙСТВАМ И ИСТЯЗАНИЯМ ЖЕРТВ СТАНОВИТСЯ ДЛЯ НИХ ПОТРЕБНОСТЬЮ,

как у наркомана, а навыки социализации и профессии позволяют «заметать следы». Но каждый человек, который пытается «реализоваться» через убийство, останавливается перед естественным барьером в виде сурового и неотвратимого наказания вкупе с успешной работой внутренних органов.

«При Сталине было мало маньяков из-за суровости наказания за преступления, и это какое-то время сохранялось при Хрущеве после серии амнистий. При Хрущеве смертную казнь не отменяли, но применяли ее очень-очень избирательно, когда уже деваться было некуда³⁴. [В сталинские времена] даже солидные воры почти никогда не шли на “мокруху”, потому что, во-первых, это было против воровских понятий, а во-вторых, они знали: любая капля крови приведет к расстрелу. После Второй мировой войны среди бандитов было много фронтовиков, как, например, весь состав знаменитой “Черной кошки” – не мифологизированной в литературе и кино, а реальной. И они никогда не шли [первыми] на убийство, но, конечно, если было что-то в их сторону, они могли “завалить” в ответ. Убийство, а тем более серийное, вело к смертной казни, которая не применялась в те годы только в отношении женщин. И такое наказание остановило процесс [роста числа серийных убийц в обществе]», – полагает Демин.

Адвокат и бывший следователь московской прокуратуры Лариса Гусева предполагает, что во времена революции и Гражданской войны те же самые серийные убийцы могли принимать участие в боевых действиях и этим самым компенсировать свою тягу к убийствам. По ее мнению,

ЕСЛИ ЧЕЛОВЕКУ ХОЧЕТСЯ УБИВАТЬ И НАСЛАЖДАТЬСЯ ЭТИМ, ВОЮЯ НА ТОЙ ИЛИ ИНОЙ СТОРОНЕ, ОН МОЖЕТ НЕ ПОДАВЛЯТЬ СВОЕ ЖЕЛАНИЕ, А НАОБОРОТ, – РЕАЛИЗОВЫВАТЬ.

«Я не думаю, что тогда насильников и убийц было мало, потому что во время войн их всегда много», – уверена Гусева.

Эти соображения по-своему развивает психолог Владимир Плотников. Он предполагает, что, с одной стороны, социальные бури и войны, в которых жил ранний СССР, не способствовали созданию благоприятных условий для функционирования маньяков, специфичных для периода 1970–1980-х годов. С другой же стороны, люди с соответствующими наклонностями могли реализовать их вполне легальными методами:

«Этот исторический отрезок – это периоды войн, жесткой социальной мобилизации, голода. Это время, когда происходили перемещения огромных масс людей и колоссальные экономические преобразования. Если мы посмотрим на практику серийных убийств, если вспомним наиболее известные примеры вроде Чикатило, то они все оседали в определенной местности, как-то ее изучали, создавали постоянную семью, их считали социально успешными или, по крайней мере, социально приемлемыми персонажами. У них были условия для того, чтобы регулярно и эффективно вести свою “работу” – работу убийц, – не парясь, как вообще жить. Снаружи у них все было хорошо, и у них был некий андеграунд, на уровне которого они были ночными потрошителями. А ситуация тотальной войны, когда на тебя падают бомбы, надо бежать куда-то сломя голову, – это не та история, когда можно наладить такую регулярную “работу”. В данной ситуации просто тяжело этим заниматься, и убийства происходят другие. И во время Гражданской войны, и во время сталинских репрессий, и во время Второй мировой

³⁴ Это утверждение, по мнению авторов книги, спорно. Многие исследователи считают США одним из «чемпионов мира» по количеству серийных маньяков, хотя там сохраняется смертная казнь, а о суровости наказания свидетельствует самое высокое на планете количество заключенных на душу населения (в 2019 году было 629 на 100 тысяч человек по данным издания World Prison Population List).

войны хватало людей, которые просто получали в руки оружие и могли легально заниматься тем, чем занимаются серийные убийцы в ситуации подполья».

Можно также объяснить феномен «отсутствия» маньяков при Ленине и Сталине по сравнению с более поздним СССР через призму марксистско-ленинского оптимизма, подразумевающего победу «прогрессивного» в борьбе с «реакционным». Логика данного подхода заключается в том, что Октябрьская революция произвела позитивные изменения в массовой психологии. Однако это довольно сложный вопрос, требующий проведения соответствующих исследований, поскольку марксизм требует работы с фактами. Хотя и не в полной мере, но косвенно история ответила на данный вопрос имеющейся «статистикой» маньяков (пусть даже пока не претендующей на полное отражение действительности), все чаще всплывающих в СССР по мере его движения к краху и демонтажу большевистского проекта. Об этом в следующих главах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.